

IV

Теория о том, что воля божия состоит в том, чтобы одни люди владели другими, очень долго успокаивала людей. Но эта теория, давая оправдания жестокости людей, довела эту жестокость до высшей степени и этим вызвала отпор и сомнение в ее истинности.

Так и теперь теория о том, что экономическая эволюция совершается по неизменным законам, вследствие которых одни люди должны собирать капиталы, а другие всю жизнь работать, увеличивая эти капиталы, приготавливаясь к обещаемому им обобществлению орудий производства, — теория эта, вызывая еще большую жестокость одних людей к другим, начинает также, в особенности среди людей простых, не одуренных наукой, вызывать некоторые сомнения.

Вы видите, например, грузчиков, губящих свою жизнь 37-часовым трудом, или женщин на фабрике, или прачек, или типографщиков, или все те миллионы людей, которые живут в тяжелых, неестественных условиях однообразного, одуряющего, подневольного труда, и естественно спрашиваете: что привело этих людей к такому положению и как избавить их от него? И наука отвечает вам, что эти люди находятся в этом положении потому, что железная дорога принадлежит такой-то компании, шелковая фабрика такому-то господину, и все заводы, фабрики, типографии, прачечные — вообще капиталистам, и что исправится это положение тем, что рабочие, соединясь между собою в союзы, кооперативные общества, стачками и участием в правительстве всё более и более влияя на хозяев и правительство, сначала добьются уменьшения часов работы и увеличения заработной платы, а под конец достигнут того, что все орудия производства перейдут в их руки. И тогда всё будет хорошо; теперь же всё идет, как должно итти, и изменять ничего не нужно.

Ответ этот не может не представляться неученым и, в особенности, русским людям очень удивительным. Во-первых, ни по отношению грузчиков или женщин на фабрике, ни всех миллионов других рабочих, страдающих от тяжелой, нездоровой, одуряющей работы, принадлежность капиталистам орудий производства ничего не объясняет. Орудия производства земледелия тех рабочих, которые живут теперь на железной дороге, вовсе не захвачены капиталистами: у этих рабочих есть и земля, и лошади, и сохи, и бороны, и всё, что нужно для обработки земли; точно так же женщины, работающие на фабрике, не только не вынуждены к этому тем, что у них отняты орудия производства, но, напротив, уходят большей частью против желания старших членов семьи из домов, где работа их очень нужна и где у них есть все орудия производства. В таком же положении находятся миллионы рабочих и в России, и в других государствах. Так что причину бедственного положения рабочих никак нельзя видеть в захвате капиталистами орудий производства. Причина должна заключаться в том, что выгоняет их из деревни. Это во-первых. Во-вторых же, избавить рабочих от этого положения даже и в том далеком будущем, в котором наука обещает это избавление, никак не могут — ни уменьшение часов работы, ни увеличение платы, ни обещаемое обобществление орудий производства.

Всё это не может улучшить их положения потому, что бедственность положения рабочих как на железной дороге, так и на шелковой и всякой другой фабрике или заведении, заключается не в большем или меньшем количестве часов работы (земледельцы работают, считая свою жизнь счастливою, иногда по 18 часов в сутки и по 36 часов подряд), и не в малом количестве платы, и не в том, что железная дорога или фабрика принадлежит не им, а в том, что рабочие принуждены работать в вредных, неестественных и часто опасных и губительных для жизни условиях городской казарменной жизни, полной соблазнов и безнравственности, и работать работу чужую и подневольную.

За последнее время часы работы уменьшились и заработная плата увеличилась, но это уменьшение часов работы и увеличение платы не улучшило положения рабочих, если иметь в виду не их более роскошные привычки: часы с цепочкой, шелковые платки, табак, вино, говядина, пиво и т. п., но их истинное благосостояние, т. е. их здоровье и нравственность и, главное, их свободу.

На знакомой мне фабрике шелковых изделий 20 лет тому назад работали преимущественно мужчины по 14 часов в сутки и вырабатывали рублей 15 в круг и большею частью отсылали эти деньги домашним в деревню. Теперь работают почти все женщины, работают 11 часов и вырабатывают некоторые до 25 рублей в месяц, в круг же более 15 рублей и большею частью, не посылая домой, все выработанные деньги проживают здесь преимущественно на наряды, пьянство и разврат. Уменьшение же часов работы только увеличивает время, проводимое ими в трактирах.

То же в большей или меньшей степени происходит на всех фабриках или заводах. Везде, несмотря на уменьшение часов работы и увеличение платы, ухудшается, в сравнении с земледельческой жизнью, здоровье, уменьшается средняя продолжительность жизни и теряется нравственность, как это и не может быть иначе при оторванности от наиболее содействующих нравственности условий — семейной жизни и свободного, здорового, разнообразного, осмысленного земледельческого труда.

Очень может быть то, что утверждают некоторые экономисты, что с уменьшением часов работы, увеличением платы и улучшением санитарных условий на фабриках, здоровье рабочих и их нравственность улучшается сравнительно с тем положением, в котором фабричные находились прежде. Может быть даже и то, что в последнее время и в некоторых местах положение рабочих на фабриках по внешним условиям лучше, чем положение сельского населения. Но это происходит, и то только в некоторых местах, оттого, что правительство и общество под влиянием положений науки делают всё возможное для ухудшения сельского и улучшения положения фабричного населения.

Если положение фабричных рабочих в некоторых местах, и то только по внешним условиям, лучше положения сельских рабочих, то это доказывает только то, что можно всякого рода стеснениями сделать бедственною самую лучшую по внешним условиям жизнь и что нет того самого неестественного и дурного положения, к которому не мог бы приспособиться человек, оставаясь в нем в продолжение нескольких поколений.

Бедственность положения фабричного и вообще городского рабочего не в том, что он долго работает и мало получает, а в том, что он лишен естественных условий жизни среди природы, лишен свободы и принужден к подневольному, чужому и однообразному труду.

И потому ответ на вопросы о том, почему фабричные и городские рабочие находятся в бедственном положении и как помочь этому, никак не может состоять в том, что происходит это оттого, что капиталисты завладели орудиями производства, и что улучшит положение рабочих уменьшение часов работы, увеличение платы и обобществление орудий производства.

Ответ на эти вопросы должен состоять в указании причин, лишивших рабочих естественных условий жизни среди природы и пригнавших их в фабричную неволю, и в указании средств избавления рабочих от необходимости перехода из свободной деревенской жизни в подневольную фабричную.

И потому в вопросе о том, почему рабочие в городах находятся в бедственном положении, заключается прежде всего вопрос о том, какие причины выгнали этих людей из деревни, где они или их предки жили и могли бы жить и у нас в России и теперь еще живут такие люди, и что пригнало и пригоняет их против их желания на фабрики и заводы.

Если же есть такие рабочие, которые, как в Англии, Бельгии, Германии, уже несколько поколений живут на фабриках, то и эти живут так не по своей воле, а потому, что их родители, деды или прадеды были чем-то вынуждены променять земледельческую жизнь, которую они любили, на жизнь в городе и на фабрике, которая им представлялась тяжелой. Сельское население сначала насильственно обезземеливали, говорит К. Маркс, изгоняли и доводили до бродяжничества, а затем, в силу жестоких законов, его пытали, клеймили каленым железом, наказывали плетью, с целью подчинить требованиям наемного труда. И потому вопрос о том, как избавить рабочих от их бедственного положения, казалось бы, естественно сводится к вопросу о том, как устранить те причины, которые выгнали уже некоторых и теперь выгоняют и хотят выгнать остальных из того положения, которое эти люди считали и считают хорошим, и пригнали и пригоняют в то положение, которое они считали и считают дурным.

Экономическая же наука, хотя и указывает мимоходом на причины, выгнавшие рабочих из деревни, не занимается вопросом об устранении этих причин, а всё свое внимание обращает на улучшение положения рабочих на существующих фабриках и заводах, как бы предполагая, что положение рабочих на этих заводах и фабриках есть нечто неизменное, такое, которое во что бы то ни стало должно оставаться для тех, которые находятся уже на фабриках, и должно сделаться таким же для тех, которые еще не оставили деревни и земледельческого труда.

Мало того, экономическая наука так уверилась в том, что все сельские рабочие должны неизбежно пройти через городское фабричное состояние, что несмотря на то, что все мудрецы и поэты мира всегда только в условиях земледельческого труда видели осуществление идеала человеческого счастья, несмотря на то, что все, с неизвращенными привычками, рабочие люди всегда предпочитали и предпочитают земледельческий труд всякому другому, несмотря на то, что фабричный труд всегда нездоров, однообразен, а

земледельческий — самый здоровый, разнообразный; несмотря на то, что земледельческий труд всегда свободный, т. е., что рабочий по своей воле чередует труд и отдых, а труд на фабрике, хотя бы она принадлежала самим рабочим, — всегда подневольный, в зависимости от машины; несмотря на то, что фабричный труд есть производный, а земледельческий основной, без которого не могли бы существовать никакие фабрики, экономическая наука все-таки утверждает, что все сельские люди не только не страдают от перехода из деревни в город, но сами желают этого, стремятся к этому.

Версия #1

Зверобой создал 28 марта 2025 09:45:11

Зверобой обновил 28 марта 2025 09:45:31